

НЭМАН

6/2017

ИЮНЬ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1945 года
Минск

СОДЕРЖАНИЕ

Александр ВОЛКОВИЧ. Споровская волчица. <i>Повесть</i>	3
Никола ШАБОВИЧ. Сладостный хмель. <i>Стихи</i> . Перевод с белорусского	
Т. Лейко, В. Поликаниной	24
Станислав ПОДЛИПСКИЙ. Как стать великим художником. <i>Рассказ</i>	29
Валерий МАКСИМОВИЧ. Симфония вечной любви. <i>Стихи</i>	49
Александр НОВИКОВ. «Я вернусь в этот мир...» <i>Биографическая повесть</i>	53
Татьяна МУШИНСКАЯ. Вена пахнет кофе свежим... <i>Стихи</i>	75
<u>«Всемирная литература» в «Нёмане»</u>	
Джон Диксон КАРР. Два рассказа. Перевод с английского В. Чудова	78
Зинаида КРАСНЕВСКАЯ. Пантеон женских сердец. Барбара Пим	100
<i>Творческая лаборатория</i>	
Ольга ЛИДЕНКОВА. Особенности рецепции современной исторической прозы Великобритании и Беларуси	110
<u>Документы. Записки. Воспоминания</u>	
Эмануил ИОФФЕ. Его называют вторым Эйнштейном	122
<u>Личность</u>	
Анатолий РЕЗАНОВИЧ. Из настоящего — в будущее	131
<u>Культурный мир</u>	
Романтическая легенда нашей истории. Предисловие, перевод писем, комментарии Е. Чижевской, С. Немогай	136
<u>Литературное обозрение</u>	
<i>Искусство суждения</i>	
Иван ШТЕЙНЕР. Откуле же тогда мудрость приходит	151
<i>С точки зрения рецензента</i>	
Алесь МАРТИНОВИЧ. Древнее как новое	163
Ольга НИКОЛЬСКАЯ. Энциклопедия для всей семьи	166
Тимофей ЛЮКУМОВИЧ. Автографы — живая память	171
<u>Напоследок</u>	
<i>Литературное содружество</i>	
Уроки поэтической дружбы. <i>Интервью с Лилией Ананич</i> . Беседовал К. Ладутько	173
<i>Коллекция</i>	
Валерий ГРИШКОВЕЦ. Опереться на книжную полку	178
<i>Имена</i>	
Михаил СТРЕЛЕЦ. Мастер археологических исследований	187
<u>Авторы номера</u>	192

Джон Диксон КАРР

Два рассказа

От переводчика

Джон Диксон Карр (англ. John Dickson Carr) (1906—1977) — широко известный и популярный писатель в жанре классического направления детектива. Публиковался также под псевдонимом «Картер Диксон». Он жил и писал как в Америке, так и в Англии, поэтому его иногда называют «англо-американским писателем». Один из лучших представителей «золотого века детектива». Известна даже крылатая фраза, введенная литературоведами: «В царстве детективов, где королевой признана Агата Кристи, премьер-министром, пожалуй, можно считать Джона Диксона Карра».

Джон Диксон Карр считается самым крупным специалистом в истории детектива по «невероятным убийствам» и по «убийствам в закрытой комнате», как называли их критики.

Серебристый занавес

Запястье крупье двигалось с такой плавной легкостью, что казалось без костей. Над зеленым сукном его змеиная активность никогда не колебалась, не волновалась и никогда не была спокойной. Лопаточка крупье, как большое блюдечко для масла, подтягивала карты, встряхивала их, жонглировала ими и спускала непрерывным потоком через щель в столе.

Ни один голос не нарушал тишины казино в Ла-Банделет. Случались исключения, но только не смех. Высокие красные шторы и мягкие красные полы создавали атмосферу праздной сосредоточенности при дюжине столов.

У одного из них, номера шесть, крупье монотонно бубнил:

— Шесть тысяч. Банко? Шесть тысяч. Банко? Банко?

— Банко, — сказал молодой англичанин.

Карты, белая и серая, плавно скользнули к его туфлям. Молодой человек снова проиграл.

У крупье не было времени замечать многое. Тысячи людей, проходившие мимо него за сезон, вряд ли были для него вообще людьми. Голова его была подобна калькулятору. Он слышал щелчки, следил за движением номеров, и это все, на что у него хватало времени. Однако так остро были развиты его чувства, что он мог сказать до ста франков, сколько денег остается у игроков за столом. Молодой человек, что сидел напротив, был почти без денег.

(Лучше быть осторожным. Это может означать неприятности.)

Крупье бросил случайный взгляд на людей за столом. Пять игроков, все англичане, как и следовало ожидать. Светловолосая девушка с пожилым муж-

чиной, очевидно, отцом. Он был лысым и выглядел больным. Дышал с задержкой. Крупный, похожий на военного человек, к которому кто-то обратился «полковник Марч». Полный, прилизанный, смуглый молодой человек с изогнутыми бровями (сомнительный англичанин?), чье самодовольство росло вместе с полосой удачи и чей бумажник, набитый тысячами банкнотами, лежал у его локтя. И наконец, молодой человек, который так много проиграл.

Молодой человек встал из-стола. Бесстрастным его лицо назвать было нельзя. Настолько сильно оно выражало смущение, что светловолосая девушка не выдержала.

— Уходите, мистер Уинтон? — поинтересовалась она.

— Э-э, да, — пробормотал молодой человек.

Он казался благодарным за эту маленькую помощь, брошенную во время его смятения. Ухватился за нее и улыбнулся в ответ.

— Не везет, пока. Время, чтобы выпить и вознести молитвы для следующей сессии.

«Послушай, — думал про себя Джерри Уинтон, — почему ты стоишь здесь и что-то объясняешь? Это несерьезно. Тебе надо убираться отсюда. Даже если это означает небольшие неприятности. Все они знают, что ты проигрался. Остановиться, рассмеявшись, как простофиля, и отойти от стола?»

Он посмотрел в глаза светловолосой девушке и решил, что не стоит быть таким дурнем.

— Надо выпить, — повторил молодой человек.

Он зашагал от стола, преследуемый, как ему казалось, воображаемым смехом. Прилизанный молодой человек поднял свое лунообразное лицо и просто посмотрел на него, что вызвало ярость у Джерри Уинтона. Проклятый Ла-Банделет, проклятая «баккара» и все остальное.

«Еще один молодой человек, — размышлял крупье, — у которого будут проблемы с отелем».

— Банко? Семь тысяч. Банко?

В баре, который примыкал к комнатам казино, Джерри Уинтон забрался на один из высоких стульев, именуемых «Арманьяк», и толкнул последнюю сотенную банкноту через прилавок. Его голова была забита рядом цифр, написанных в тонком французском стиле. Придет счет из отеля за неделю... Сколько? Четыре, пять, шесть тысяч франков? Счет будет предъявлен ему завтра, а все, что у него было сегодня, — это обратный билет на самолет до Лондона.

В зеркале за баром появился из толпы новый образ. Это был тот толстый, прилизанный молодой человек с жирным лицом, который сорвал большой куш за столом. И который даже сейчас любовно прикоснулся к своему бумажнику, прежде чем убрать его. Он взобрался на стул рядом с Джерри. Заказал минеральной воды. Какие пронизательные, разборчивые и хитрые были эти азартные игроки! Пришедший зажег обрубок сигары в углу рта и заговорил.

— Проигрались? — небрежно осведомился он.

Джерри Уинтон впился взглядом в его отражение в зеркале.

— Мне кажется, — процедил он сквозь зубы, убийственно медленно подбирая слова, — что это мое дело и никого другого не касается.

— О, это правильно, — согласился незнакомец в той же неприятной и небрежной манере. Он сделал несколько затяжек. Выпил немного минеральной воды. И добавил: — Полагаю даже, что довольно серьезно? А?

— Если этот вопрос, — сказал Джерри, оборачиваясь, — имеет такой большой интерес для вас, то, нет не серьезно. У меня дома полно денег.

Проблема заключается в том, что сейчас лишь вечер пятницы, и я не могу вступить в контакт с банком до понедельника.

Хотя это была истинная правда, он видел, что выражение сомнения у его собеседника все более возрастает.

— Это просто проклятая неприятность, потому что в этом отеле меня не знают. Но только лишь неприятность и все. Если вы думаете, что я лгу, выйдем в сад. Там застрелите меня не раздумывая.

Собеседник улыбнулся печально и недоверчиво. Покачал головой.

— Да ну! Думаете, я могу в такое поверить?

— А мне все равно, верите вы или нет.

— Вам надо быть осторожней, — посоветовал собеседник невозмутимо. Так как Джерри соскользнул со стула, он потянулся и перехватил его за руку. — Не надо так спешить. Лучше произнесите: вы мальчик Крез. Хорошо? Вы мальчик Крез. Я не буду спорить с вами. Но скажите, как ваши нервы?

— Мои что?

— Ваши нервы. Ваш кураж, — объяснил собеседник с некой долей насмешки.

Джерри оглянулся на равнодушное, самоуверенное лицо, парящее над стаканом с минеральной водой. Ноги собеседника перепутались с ножками стула. Короткая верхняя губа самонадеянно приподнялась. Издевательский взгляд.

— Я хотел вас спросить, — настаивал он. — Мое имя Дэйвос. Ферди Дэйвос. Меня все знают. — Он показал рукой в сторону толпы. — Не хотели бы вы заработать десять тысяч франков?

— Хотел бы. И много. Уйму. Но я не знаю, захотел бы заработать их таким бизнесом, как ваш.

Дэйвос был невозмутим.

— Нехорошо сравнивать ваше достоинство с моим. Это не впечатляет меня и не поможет вам. Я еще раз спрашиваю: хотели бы вы заработать десять тысяч франков? Это более чем покроет то, что вы должны или, возможно, то, что имеете, не правда ли? Я думаю, да. Так хотите вы или не хотите заработать десять тысяч франков?

— Да, хочу, — огрызнулся Джерри через плечо.

— Хорошо. Обратитесь к доктору.

— Что?

— Обратитесь к доктору, — спокойно повторил Дэйвос. — Скажите, что вы хотите тонизирующее для укрепления нервов. Таблетки. Нет, я не шучу.

Он посмотрел на часы. Стрелки показывали без пяти минут одиннадцать.

— Пойдете по этому адресу. Выслушайте внимательно то, что я вам скажу. И там будут для вас десять тысяч франков. Номер два, площадь Сан-Жан, Авеню де Фар, в час ночи. Не раньше и не позже. Сделаете работу хорошо — и получите на месте, может быть, больше десяти тысяч. Увидим тогда, какие у вас нервы.

Местечко Ла-Банделет — это филле, полоска серебристого пляжа вдоль канала, заполненная странно окрашенными домами с плоскими крышами, которые придают городу вид из фильма Уолта Диснея. Но сам город имеет и еще одну достопримечательность. Английская колония, которая, из-за традиционной фешенебельности, лежит за большими деревьями. Рядом с казино находятся три больших отеля, нарядные, с тентами и поддельными готическими башенками, устремленными в небо. Воздух насыщен арома-

тами, позвякиванием открытых экипажей и цоканьем копыт вдоль широких авеню. Искусство извлекать деньги из гостей здесь так совершенно, что кажется, будто руки ваши лезут в карман даже во сне.

Этот сон овладевает вами днем. По ночам, когда все в Ла-Банделет закрыто, за исключением казино, только луч большого островного маяка пробегает по улицам. Он ослепляет, а затем замирает. И так — каждые двадцать секунд. Когда Джерри Уинтон шагал под деревьями к Авеню Маяков, этот самый луч начинал расплываться под дождем.

Площадь Сан-Жан, Авеню де Фар. Где? Почему?

Если бы Дэйвос обратился к нему при других обстоятельствах, признался себе Джерри, он бы не обратил на него никакого внимания. Но молодой человек был раздосадован и любопытен. Кроме того, если это не какой-нибудь трюк, он бы мог использовать десять тысяч франков. Возможно, здесь и был какой-то обман. Но не все ли равно?

Его заставил поколебаться дождь. Он уже слышал, как капли стучат по деревьям и переходят в более сильное шуршание, когда увидел вывеску, указывающую направление к Авеню де Фар. Джерри был без шляпы и пальто. Но в то же время он намеревался посмотреть, что будет дальше.

Впереди него находилась улица с фешенебельными виллами, освещенная лишь искрами газовых фонарей. Адски темная улица. Что-то странное, более чем странное в этом. Не всякие незнакомцы спрашивают вас, насколько сильны ваши нервы, а затем, сверх того, предлагают десять тысяч франков, чтобы пройти таможеню. Какая, все-таки, была причина, почему...

И тут он увидел Дэйвосо.

Дэйвос не заметил его. Он был впереди Уинтона, шел быстро и маленькими шажками вдоль тусклой улицы. Белый свет от маяка промелькнул над головой, превратив дождь в серебро, и Джерри мог видеть блеск его гладких черных волос и желто-коричневое пальто на нем. Подняв воротник смокинга, Джерри последовал за ним.

В нескольких ярдах впереди Дэйвос замедлил шаг. Он посмотрел вокруг и наверх. Слева от него был вход во внутренний двор, очевидно, на площадь Сан-Жан. Но назвать этот «квадрат» площадью было благородным преувеличением. Это всего лишь тупик, около двадцати футов в ширину и сорока в глубину.

Две из трех сторон были простыми высокими стенами из белого кирпича. Третья сторона, справа, была сформирована из высокого жилого дома, все окна которого плотно закрыты ставнями. Однако признаки жизни в доме все-таки имелись. Над его дверью горел тусклым светом белый шар, освещая рядом латунную дощечку с именем доктора. Степенный дом, жалюзи с голубой росписью. Пустой тупик, и в нем — Дэйвос.

Все это Джерри увидел сразу. Затем он двинулся назад из тупика. Дождь обрушился на него потоком воды, размывая тусклый белый шар тенью и блеском. Дэйвос почти достиг двери доктора. Он остановился, будто обдумывая или рассматривая что-то, а затем...

Джерри Уинтон позже клялся, что отвел взгляд от Дэйвосо лишь на секунду. Это была правда. Джерри на самом деле оглянулся на Авеню де Фар и ободрился, увидев на некотором расстоянии фигуру полицейского. То, что заставило его вернуться взглядом назад, был шум из тупика. Нечто среднее между кашлем и криком, булькающим под дождем. И после этого стук тела об асфальт.

Мгновение назад Дэйвос был на ногах. В следующее мгновение он уже лежал боком на асфальте в агонии.

Над головой снова прокатился луч маяка. Джерри, достигнув Дэйвосо всего за полдюжину широких шагов, увидел всю сцену, выхваченную этим

моментальным светом. Пальцы Дэйвоса все еще сжимали или пытались сжимать туго набитый бумажник, который Джерри видел у него в казино. Желто-коричневое пальто потемнело от дождя. Каблуки Дэйвоса царапали мостовую, так как он был заколот ударом в тыльную часть шеи тяжелым ножом с полированной металлической ручкой, не более четырех дюймов. Затем бумажник выскользнул из его рук и шлепнулся в лужу, ибо человек умер. Джерри смотрел и не верил своим глазам. Механически он протянул руку, поднял из лужи бумажник и потряс его. Тут же попятился, так как услышал стук тяжелых шагов в тупике и увидел развевающийся дождевик полицейского.

— Стоять! — выкрикнул служитель закона по-французски. Полицейский резко остановился и уставился на тело. Увидев, что лежало на мостовой, он произвел шум, будто его ударили в живот.

Джерри напряг ум, связывая свой французский в надлежащие фразы.

— Его... этот бумажник, — сказал он, протягивая его.

— Да, я вижу.

— Он умер.

— Это кажется очевидным, — согласился полисмен, издав похожий на фыркание звук. — Ну-ка! Дайте его мне. Быстро, быстро, быстро! Его бумажник. — Полицейский протянул руку, ухватив бумажник пальцами. И добавил: — Никаких глупостей! Я готов выслушать вас.

— Но я не убивал его.

— Это еще предстоит выяснить.

— Приятель, не думаете ли вы...

Он замолчал. Беда была в том, что все произошло слишком быстро. У Джерри было чувство, будто он из тех, кто встречается с продавцом из супермаркета и под ураганным предложением соглашается купить огромную и ненужную вещь, прежде чем поймет, о чем шла речь.

Так и здесь произошло необъяснимое. Он видел, как на его глазах был заколот человек по имени Дэйвос. Заколот прямым ударом сзади. Тяжелый нож вошел в затылок по прямой линии с небольшим наклоном, будто удар был нанесен со стороны мостовой. Но в это время Дэйвос был один в безлюдном тупике, пустом, как коробка от печенья.

— Это не мое дело — думать, — коротко обрезал полицейский. — Я сделаю свои записи и доложу комиссару. Ну! — Он отступил под навес слабоосвещенного дверного проема и, напряженно поглядывая на Джерри, вытащил записную книжку. — Давайте без глупостей. Вы убили этого человека и пытались ограбить его. Я видел вас.

— Нет!

— Вы были с ним одни во дворе. Я видел это собственными глазами.

— Да, это правда.

— Хорошо, что признаете. Видели кого-нибудь еще во дворе?

— Нет.

— А если честно, мог ли убийца подойти незамеченным?

Джерри, даже понимая, что под суровым взглядом он вырос почти до клятвопреступника, вынужден был признать, что это невозможно. С двух сторон были высокие кирпичные стены. С третьей стороны — дом, дверь и окна которого не были даже приоткрыты. В тот промежуток времени, когда он оглядывался, никакой убийца не мог приблизиться, заколоть Дэйвоса и снова отступить и скрыться. Не имелось никакого укрытия. Было очевидно, что Джерри даже подумать не мог о разумной лжи. Он просто был в замешательстве.

— Не знаю, что случилось, — настаивал он. — Одну минуту он там находился, а потом упал. Я никого не видел. — И потом проблеск света

мелькнул в его уме. — Подождите. Этот нож там... Его же кто-то воткнул в него.

С широкой сардонической усмешкой смотрел на него из дверного проема полицейский.

— Воткнул, вы говорите? Воткнул, откуда?

— Я не знаю, — признался Джерри. Проблеск света в уме пропал. Он снова посмотрел на белые кирпичные стены и на дом, передняя часть которого была закрыта. Неоткуда взяться ножу.

— Рассмотрим положение ножа, — предположил собеседник, пытаясь применить логику. — Этот джентльмен шел перед вами, спиной к вам?

— Да.

— Хорошо. У нас прогресс, — подчеркнул он. — Нож входит в затылок по прямой линии. Он входит по направлению с той стороны, где вы стояли. Могли бы его воткнуть после того, как вы вошли во двор?

— Нет, это невозможно.

— Нет, это очевидно! — вскричал полицейский. — Я не могу больше слушать всякие глупости. Я был снисходительным к вам, потому что вы англичанин, а у нас инструкция быть снисходительным к англичанам. Но это выходит за рамки разумного! Вы пройдете со мной в мэрию. Посмотрите на бумажник в его руке. Он предлагает его вам и говорит: месье, окажите честь, примите мой бумажник.

— Нет. Бумажник был у него в руке.

— Вы говорите, бумажник был у него в руке. Почему?

— Я не знаю.

Джерри замолчал. Потому что теперь история его проигрыша в казино приобретала трагическое значение. И потому, что послышался звук отпираемой двери. Дверь дома доктора открылась, и вышла светловолосая девушка, которую в прошлый раз он видел в казино. Рядом с дверью латунная табличка гласила: «Доктор Эдуард Хеберт». Под именем указаны часы приема и решительное: «Говорите по-английски». За девушкой, вытягивая шею, стоял щетинистый мужчина средних лет с большим чувством собственного достоинства. Его вызывающие очки имели широкую черную ленту, которая, казалось, образует электрическую цепь с концами его подкрученных вверх усов.

Но Джерри Уинтон не смотрел на доктора Хеберта. Он смотрел на девушку. Вдобавок к легкой шубке она надела шарф кремового цвета, обернув его вокруг головы. В руках у нее была крошечная коробочка, завернутая в белую бумагу. На ее гладком встревоженном лице с удлинненными голубыми глазами, казалось, отразилось выражение покойника, уставившегося на нее с мостовой. Девушка дернулась назад, наткнувшись на полицейского. Потом, оперлась одной рукой на руку доктора Хеберта, а другой резко указала на Дэйвосу.

— Это тот человек! — воскликнула она.

Месье Горон, префект полиции, был спокойным, по-кошачьи дружелюбным человеком, известным своими манерами. Преступление, редкое в Ла-Банделет, огорчило его. Но он был также и компетентным полицейским. В час ночи он сидел в своем кабинете в мэрии, изучая ногти и качаясь взад-вперед в скрипучем кресле, чей звук уже начал действовать Джерри Уинтону на нервы. Девушка, которая уже в десятый раз назвала свое имя как Элеонора Худ, была настойчива.

— Месье Горон!

— Мадемуазель? — вежливо произнес префект, казалось, очнувшись от дремоты.

Элеонора Худ обернулась и бросила на Джерри Уинтона отчаянный взгляд.

— Я только желаю знать, — настаивала она на прекрасном французском, — почему мы здесь, доктор Хеберт и я. И мистер Уинтон, если уж на то пошло. — На этот раз взгляд, который она кинула на Джерри, был улыбочивым и дружеским. Тот тип человеческого взгляда, который растопит даже душу злодея. — Но что касается нас... почему? Мы даже не являемся свидетелями. Я ведь рассказала вам, почему была в доме доктора Хеберта.

— Ваш отец, мадемуазель, — пробормотал префект.

— Да, он болен. Доктор Хеберт в течение нескольких дней лечил его. Сегодня вечером у него случился еще один приступ в казино. Мистер Уинтон может подтвердить это.

Джерри кивнул. Старик за столом, подумал он, конечно же, выглядел больным.

— Я отвела отца назад в отель «Бретань» в половину двенадцатого, — продолжала девушка с большой интенсивностью. — Пыталась связаться с доктором Хебертом по телефону, но не смогла дозвониться. Тогда пошла к нему домой. Это недалеко от отеля. На своем пути я видела этого человека... Того, которого вы называете Дэйвос. Я подумала, что он преследует меня. Мне казалось, что он смотрит на меня из-за каждого дерева. Вот почему я сказала: «Вот тот человек», когда увидела его, лежащим на тротуаре с открытыми глазами. Его глаза даже не мигали, несмотря на дождь. Это было ужасное зрелище. Я была расстроена. Вы обвиняете меня?

Месье Горон удовлетворительно хмыкнул.

— Я подошла к дому доктора Хеберта, возможно, без двадцати двенадцать. Он уже собирался отдыхать, но согласился пойти со мной. Я подождала, пока он оденется. Мы вышли и на пороге обнаружили... то, что вы уже знаете. Пожалуйста, поверьте, это все, что я знаю.

Она была необычной личностью с необыкновенно выразительным голосом. Предпочитая резкие слоги, она пыталась убедить префекта. Затем она добавила резко по-английски, глядя на Джерри:

— Он был малоприятной скотиной, но я и на йоту не верю, что вы его убили.

— Спасибо. Но почему?

— Не знаю, — искренне ответила Элеонора. — Вы просто не могли.

— В этом есть логика! — воскликнул месье Горон, с силой стукнув по столу. Вращающееся кресло скрипнуло от удовольствия. От многих ламп в офисе пахло креозотом. На столе перед префектом лежал промокший бумажник Дэйвоса, и что любопытно, крошечная круглая коробочка, завернутая в жгут из бумаги. Ее несла мисс Элеонора Худ, когда выходила из дома доктора. Месье Горон ни разу не обмолвился с Джерри, ни разу не посмотрел на него, вежливо игнорируя молодого человека. Будто его здесь нет.

— Ну, — произнес он, возвращая свою прежнюю сдержанность. — Вы простите меня, мадемуазель, но я продолжаю дело дальше. Вы говорите, что доктор Хеберт занимался лечением вашего отца?

— Да.

Месье Горон указал на маленькую коробочку на столе.

— Таблетками, вероятно?

— О, боже мой! — вставил Хеберт и трагически хлопнул себя по лбу.

В течение нескольких минут Джерри боялся, что доброго доктора может хватить апоплексический удар. Доктор Хеберт дал понять о своем достойном положении в обществе. Он отметил, что врачи не выходят на улицу в середине ночи даже для оказания медицинской помощи, а тем

более, их не тащат в полицейские участки. Это плохо для их дела. Его очки и усы топорщились вызывающие. Он прекратил мерять шагами комнату только для того, чтобы подойти к префекту и посмотреть ему в глаза.

— Я хочу объясниться, — холодно произнес он, глубоко вздохнув.

— Как желаете, месье.

— Ну, все так, как говорит эта леди! Почему мы здесь? Почему? Мы — не свидетели. — Он замолчал и ударил по плечам своего пальто, будто освобождаясь от насекомых. — Этот молодой человек здесь рассказывает нам историю, которая может или не может быть правдой. Если это правда, я не понимаю, почему человек по имени Дэйвос должен был дать ему мой адрес. И я не понимаю, почему Дэйвос должны были заколоть у моего порога. Человека по имени Дэйвос я знал исключительно как моего пациента.

— А! — вмешался префект. — Вы давали ему таблетки, наверное?

Доктор Хеберт сел.

— Вы что, помешались с этими «таблетками»? — спросил он сдержанно. — Из-за того, что этот молодой человек, — он снова посмотрел на Джерри с неприязнью, — говорит, что Дэйвос сделал какое-то пьяное упоминание о «таблетках» этим вечером в казино, вы развиваете эту тему?

— Возможно.

— Это смешно, — заявил доктор Хеберт. — Вы даже задали вопрос, мои ли таблетки там на столе? Они — для отца мисс Худ. Это обычные сердечные таблетки с дигиталином. Вы думаете, они содержат яд? Если так, почему вы не проверите их?

— Это идея, — признался месье Горон.

Он взял коробочку и развернул бумагу. Коробочка содержала полдюжины гранул с сахарным покрытием. С большой серьезностью месье Горон положил одну из таблеток в рот, продегустировал ее, раскусил и, наконец, кажется, проглотил.

— Нет яда? — не унимался доктор.

— Яда нет, — подтвердил префект. На его столе зазвонил телефон. Он поднял трубку, слушал некоторое время с мечтательной улыбкой, затем вернул трубку на место. — Вот это действительно прекрасно. — Он сиял, потирая руки. — Мой добрый друг, полковник Марч, из английской полиции, проводит расследование. Его послали сюда, когда определенный вид деятельности в казино Ла-Банделет заинтересовал как французские, так и английские власти. Все вы, наверное, заметили его в казино вчера вечером?

— Я помню, — воскликнул вдруг Джерри. — Огромный малый. Спокойный, как слон.

— Точное описание, — улыбнулся префект.

— Но... — начал доктор Хеберт.

— Я сказал «все вы», доктор Хеберт, — настаивал префект. — Маленький вопрос, разрешите? Благодарю вас. Когда мадемуазель звонила вам домой, без двадцати двенадцать, вас там не было. Может быть, вы были в казино?

Доктор уставился на него.

— Возможно. Но...

— Наверное, вы видели там мистера Дэйвоса?

— Возможно, — доктор Хеберт продолжал смотреть на месье Горона с отвратительной усмешкой. — Но, месье Горон, будьте любезны объяснить? Вы, конечно, не подозреваете, что мадемуазель или я имеем какое-то отношение к этому делу? Не думаете ли вы, что мадемуазель или я вышли из дома во время этого убийства?

— Я уверен, что вы этого не делали.

— Не думаете ли вы, что мадемуазель или я подошли к двери или к окну, чтобы добраться до этого проклятого Дэйвосо?

— Я уверен, что вы этого не делали, — сиял префект.

— Ну, тогда?

— Но здесь, видите ли, — акцентируя свои слова, месье Горон поднял палец, — мы сталкиваемся с трудностью. Мы в мучительном состоянии. Это может означать, что мистер Уинтон должен был совершить убийство. И что, — добавил он, посмотрев на Джерри, — это абсурд. Мы никогда, ни на минуту не верили, что мистер Уинтон имеет что-то общее с этим убийством, и мой друг полковник Марч расскажет вам почему.

Джерри откинулся назад и посмотрел в лицо префекту, удивляясь, не ослышался ли он. Он чувствовал себя боксерской грушей. Но с большой серьезностью ответил на кивок префекта. В это время сержант мэрии открыл дверь офиса.

— Мы будем говорить по-английски, — объявил месье Горон, вскакивая с кресла. — Это мой друг, полковник Марч.

— Добрый вечер, — приветствовал всех полковник. Его широкое, веснушчатое лицо было такое же добродушное, как и у месье Горона. Кулаки он держал на бедрах. Посмотрел сначала на Элеонору, потом на Джерри, а затем на доктора Хеберта. — Жаль, что вы были поставлены в столь неудобное положение, мисс Худ. Но я видел вашего отца, и все будет хорошо. Что касается вас, мистер Уинтон, надеюсь, они избавят вас от страданий.

— Страданий?

— Я имел в виду, что вас не отправят на какой-нибудь остров Дьявола или еще куда-то, такого же типа? У нас были три очень веские причины полагать, что у вас нет ничего общего с этим. Вот первая причина.

Порывшись в кармане смокинга, он вытащил какой-то предмет и показал присутствующим. Это был черный кожаный бумажник, в точности похожий на тот, что уже лежал на столе месье Горона. Но в то время как первый был набит тысячными банкнотами, в этом было всего лишь несколько сотен франков.

— Мы нашли этот второй бумажник в кармане Дэйвосо, — сказал полковник Марч.

Казалось, он ждал комментариев, но их не было.

— Ну и что с того? — не выдержал Джерри, после паузы.

— Ой, да ладно! Два бумажника! Зачем Дэйвосу носить два бумажника? Зачем человеку носить два бумажника? Это первая причина. Вот вторая.

Из внутреннего кармана своего пальто, с видом фокусника, он вытащил нож, которым был заколот Дэйвос.

Это был очищенный от крови длинный, тонкий, тяжелый нож с рукояткой из легкого металла и с крестовиной. Когда полковник Марч повернул этот сверкающий при свете предмет, Джерри Уинтон почувствовал, что блеск затронул какую-то струну в его мозгу. Что сцена из прошлого почти вернулась к нему. Что в течение быстрой и манящей секунды он почти ухватил смысл всей проблемы.

— А теперь переходим к третьей причине, — проговорил полковник Марч. — Третья причина — это Ферди Дэйвос. Ферди был гостиничным вором. Слишком умным для нас, бедных полицейских. Да, Горон? Хотя я всегда говорил ему, что он плохой знаток мужчин. В разгар летнего сезона в таких отелях, как «Бретань» и «Донжон», Дэйвос мог хорошо пожить. Он специализировался на ожерельях, особенно жемчужных. Пожалуйста, обратите внимание на это.

Понимающий взгляд появился на лице Элеоноры Худ. Она открыла было рот, чтобы сказать, но потом спохватилась.

— Его проблема, — продолжал полковник Марч, — была в том, как переправить украденные вещи в Англию, где у него был сбыт. Он не мог держать их при себе. В маленьком местечке, как Ла-Банделет, Горон вывернул бы его наизнанку, если бы он с награбленным сделал шаг в сторону Булони. Таким образом, он должен был иметь сообщников. Я имею в виду из орды молодых людей, которые приезжают сюда каждый сезон. Найти какого-нибудь молодого дурака, который проиграл за столом больше, чем мог себе позволить. И который может ухватиться за возможность заработать несколько тысяч франков на маленьком безобидном таможенном мошенничестве. Вы следите за мной, мистер Уинтон?

— Вы имеете в виду, что я был выбран?..

— Да.

— Но, боже мой, как? Как я мог пронести жемчужное ожерелье через таможеню, если от этого зависела моя жизнь?

— Вы могли бы, если бы нуждались в тонизирующем средстве, — указал полковник Марч. — Так вам и Дэйвос говорил. Во-первых, ожерелье было бы приготовлено для вас частями. Каждой жемчужине было бы сделано тонкое сахарное покрытие, превращая ее в аккуратную лекарственную таблетку. Затем их засыпают в чистую бутылочку или коробочку по рецепту известного врача. Из-за большого наплыва туристов таможня не может осмотреть каждого. Они искали бы жемчужного контрабандиста, а не явно уважаемого молодого туриста с болезнью желудка.

Элеонора с удивлением посмотрела на коробочку с таблетками на столе Горона.

— Так вот почему вы пробовали мои таблетки! — обратилась она к префекту полиции, который сделал протестующий жест. — И держали меня так долго. И...

— Мадемуазель, уверяю вас! — оправдывался месье Горон. — Мы были уверены, что нет ничего плохого в этих таблетках! — Он несколько испортил эффект галантности, добавив: — С другой стороны, этого недостаточно. Так как вы получили таблетки от доктора Хеберта после рабочих часов, мы обязаны были вас допросить. Ловкий трюк, да? Боюсь, что фирма Хеберта и Дэйвос работала так в течение некоторого времени.

Все повернулись, чтобы посмотреть на доктора Хеберта.

Он сидел выпрямившись. Подбородок втянулся в воротник, как будто доктор собирался петь. На его лице было выражение, которое можно назвать только испуганным скептицизмом. Даже его рот был приоткрыт с этим эффектом или с непроизносимыми звуками насмешки.

— Мы также должны были задержать вас, — продолжал месье Горон, — пока наши люди не найдут жемчуг мадам Флей, украденный неделю назад и спрятанный у доктора Хеберта в хирургии. Повторяю, это был ловкий трюк. Мы могли бы ничего не знать об этом, если бы Дэйвос не намекнул нечаянно мистеру Уинтону. Позволил себе больше, чем нужно. И стал опасен. — Префект добавил: — Вот почему, считает полковник Марч, доктор Хеберт решил убить его.

Доктор Хеберт по-прежнему не проронил ни слова.

Зато заговорил Джерри Уинтон:

— Сэр, я не выступаю в защиту этого парня. Я должен бы думать, что вы правы. Но как он мог убить Дэйвосо? Он не мог этого сделать!

— Вы забываете, — возразил полковник Марч, так весело, будто эмоциональная температура в помещении поднялась на несколько градусов. — Вы забываете о двух бумажниках. Почему у Дэйвосо было два бумажника?

— Ну?

— У него не было двух бумажников, — сказал полковник Марч, остановив взгляд на докторе Хеберте. — Наш добрый доктор был, конечно, мозгами партнерства. Он поставлял ресурсы Дэйвосу для внушительного представительства. Когда Дэйвос играл в «баккара» в казино, он расплачивался деньгами Хеберта. Сегодня вечером доктор встретился с Ферди в казино и предусмотрительно забрал у него большую сумму, которую вы видели в бумажнике Ферди на игральном столе. Когда Ферди пришел в дом врача в полночь, у него было всего лишь несколько сотен франков комиссионных в его собственном бумажнике в кармане.

Видите ли, доктору Хеберту нужна была эта большая сумма в его плане убить Ферди. Он знал, когда Ферди позвонит в его дом. Он знал, что мистер Уинтон будет близко позади Ферди. Мистер Уинтон будет вовлечен в убийство и обвинен. Все что нужно было доктору Хеберту — это взять пачку тысячных банкнот, засунуть их в бумажник, похожий на тот, что был у Дэйвоса в казино, и использовать его как ловушку.

— Ловушку? — удивилась Элеонора.

— Ловушку, — повторил Марч и продолжил: — Ваше присутствие, мисс Худ, дало доктору Хеберту неожиданное алиби. Он оставил вас внизу в своем доме. Сам поднялся наверх, «чтобы одеться». За несколько минут до того, как должен был прибыть Дэйвос, он тихо поднялся на крышу своего дома. Крыша плоская, как и у большинства домов в Ла-Банделет. Он посмотрел вниз через парапет на тупик с высоты сорок футов и увидел порог своего дома с горящей над ним лампой. Бросил бумажник через парапет так, чтобы тот упал на мостовую прямо у порога дома.

— Ну? — задал вопрос полковник Марч. — Что сделал Дэйвос? Он сделал то, что сделали бы вы, если бы шли и увидели на мостовой бумажник, набитый сотенными банкнотами, лежащий прямо перед вами.

Снова Джерри Уинтон увидел тускло освещенный тупик. Он услышал, как плещется дождь, и увидел нечто пролетевшее и сверкнувшее у лампы над дверью. И мимо луча маяка над головой. И увидел фигуру Дэйвоса, резко остановившуюся и смотревшую на что-то.

— Я полагаю, — продолжил Джерри, — что он остановился и подобрал бумажник.

— Да, — подтвердил полковник Марч. — Вот и вся грустная история. Вы бы наклонились так, что ваше тело стало бы параллельно земле. Ваш затылок был бы отличной мишенью для того, кто стоял сорока футами выше с острым как игла ножом, лезвие которого намного тяжелее ручки. Убийце оставалось только просто опустить свой нож. Разжать пальцы и уронить его. Гравитация сделала все остальное.

Друг мой, вы смотрели прямо на это убийство и ничего не видели. Вы не увидели потому, что движущая поблескивающая стена дождя — это своего рода серебристый занавес, который опустился перед дверной лампой и лучом маяка. Он прикрыл падение тонкого, длинного лезвия, сделанного из блестящего металла. За этим занавесом незримо передвигался наш гениальный друг доктор Хеберт, который мог бы рассказать, если бы его можно было уговорить...

Но доктора Хеберта невозможно было уговорить, даже когда его забрали. А Джерри Уинтон и Элеонора Худ пошли домой сквозь летний рассвет, под серебристым небом. И к тому времени, когда добрались до отеля, обнаружили, что у них есть определенное количество общих знакомых.